

Кан Чжэ ненадолго замер в молчании, и Тан Юйхуэй, решив, что не дожждётся ответа, с разочарованием постепенно опустил руку. Как только его пальцы разжались, Кан Чжэ сделал на шаг назад. Тан Юйхуэй замер, чувствуя себя немного уязвлённым. Хотя он уже привык к отказам Кан Чжэ, он редко обнажался до такой степени. Свет в его глазах невольно угас. В следующее мгновение его подхватили под колени и одним движением подняли в воздух.

По сравнению со многими тибетскими мужчинами Кан Чжэ мог показаться хрупким. Он был поджарым: при высоком росте ему недоставало массивности. На его лице почти всегда играла едва уловимая улыбка. Пока он скрывал свои настоящие эмоции, в нём не чувствовалось ни капли угрозы. Незнакомцы, встречая его впервые, видели в нём лишь чистого, безобидного юношу. Но Тан Юйхуэй по опыту знал: сила Кан Чжэ была огромной, он был из тех, кто предпочитает действие словам. Когда Кан Чжэ молчал, шурился или небрежно улыбался, время вокруг него замедлялось, словно не желая уходить. Мир вокруг погружался в полумрак, и он оставался единственным фокусом — неподвижной точкой в этом приглушённом пространстве, от которой невозможно оторвать взгляд. Наверное, это было опасно, но сопротивляться было невозможно.

И сейчас настал именно такой момент. Миг, когда Кан Чжэ стал неотразим. Он молча поднял Тан Юйхуэя на руки, вынес за порог гостиницы и усадил на мотоцикл, чей двигатель заглох совсем недавно.

— Подожди меня здесь, — низким голосом произнёс он.

Сердце Тан Юйхуэя колотилось так сильно, что в ушах звенело. Он сидел под россыпью звёзд и любовь, переполнявшая его, казалась длиннее Млечного Пути. Он вскинул голову к небесам и с замиранием сердца и светлой печалью подумал: «В этом мире лишь единицы видели ночь, подобную этой».

Кан Чжэ вернулся быстро. Он принёс тот самый огромный красный плед, который оставался алым даже в полумраке ночи, и сердце Тан Юйхуэя в одно мгновение накрыло волной нежности. Он вспомнил, как этот плед, овеянный тишиной ночного костра, окутывал его, когда он впервые спустился поприветствовать Кан Чжэ, как согревал его в безмятежные вечера на крыше. Сейчас плед пах свежестью мыла. Кан Чжэ развернул его, словно свадебное покрывало, и накинул на плечи Тан Юйхуэя.

— Ночью холодно, — тихо сказал Кан Чжэ.

— Угу, — отозвался Тан Юйхуэй и очень тихо спросил: — Куда мы едем?

Кан Чжэ помолчал мгновение, затем уголок его рта изогнулся в усмешке, обнажив пленительный клычок.

— Не знаю. Решай сам.

Он надел на Тан Юйхуэя шлем, завёл мотоцикл, и под рёв мотора и порывы бешеного ветра они устремились в бескрайнюю ночную тьму. Было холодно. Хотя до начала лета оставалось совсем немного, Тан Юйхуэй ощущал безжалостный холод горного ветра. Этот ветер разогнал облака, заставил звёзды сиять ярче, а полы куртки Кан Чжэ развевались, будто тени из калейдоскопа жизни.

Тан Юйхуэй крепко обнял Кан Чжэ за талию, желая согреть его, но обнаружил, что тому совсем не холодно. А может, это его собственные руки так замёрзли от ветра, что потеряли чувствительность. Тан Юйхуэй медленно провёл рукой по ткани его одежды и вдруг почувствовал, что его айсберг хранил в себе тепло.

— А-Чжэ, — тихо позвал Тан Юйхуэй, — ты умеешь петь «Кандинскую песню о любви»?

— М? — Кан Чжэ на миг опешил, а потом безжалостно рассмеялся. — Зачем сейчас петь эту песню? Я её терпеть не могу.

Тан Юйхуэй был уверен, что из-за сильного ветра Кан Чжэ его не услышит, и от неожиданности его уверенность поубавилась.

— Почему? По-моему, она очень красивая...

Кан Чжэ не ответил. Тан Юйхуэй уже привык к его колкостям и выработал к ним стойкость, непоколебимую, как гора. Он уже собирался переспросить, когда низкое пение, вплетённое в

гул ветра пустоши, словно задев струны души, отчётливо донеслось до его ушей. Это была тибетская народная песня.

Тан Юйхуэй, как и большинство людей, раньше считал, что языки национальных меньшинств, хоть и имеют свою ценность, часто кажутся нескладными. Безукоризненный путунхуа с чистым произношением олицетворял официальный культурный символ, и другие формы речи неизбежно несли на себе налёт чего-то местечкового, неотёсанного — пусть и весомого, но звучащего простовато.

Например, ему всегда казалось, что слово «чжаси» звучит странно, глуповато, с оттенком какой-то медлительности. Но когда его пропел Кан Чжэ, эти небесные звуки слились с ветром пустоши — стали далёкими, прозрачными, вечными. В этом низком, протяжном пении Тан Юйхуэй ощутил зов — пустой и бескрайний, словно ветер, гуляющий в диком поле. Будучи человеком неверующим, он всегда воспринимал подобные вещи как нечто далёкое и чуждое. Однако теперь он смог воистину постичь это духовное стремление к перерождению.

Холод ночного ветра пробирал до самых костей, и Тан Юйхуэй чудилось, что его дух покидает тело. Он отделился от всего земного — от мотоцикла, от дороги, даже от Кан Чжэ — и сам стал бумажным змеем, устремлённым к заснеженным вершинам. Пусть ему и не суждено было добраться до них, он жаждал лишь одного — преследовать то облако, что не знало ни формы, ни постоянства.

Кан Чжэ сказал, что решение за ним, и после этого, верный своему слову, лишь увлечённо мчался вперёд. Тан Юйхуэй видел далёкую светлую луну, что молча взирала на них, пронзающих эту звенящую пустоту. На склоне, с которого открывался вид на гору Гунгашань, Тан Юйхуэй попросил Кан Чжэ остановиться.

Ветер трепал воротник Кан Чжэ, холодный блеск в его глазах, казалось, готов был поспорить сиянием с лунной — такой же безбрежный, как сама ночь, такой же далёкий и безмолвный. Тан Юйхуэй хотел слезть сам, но Кан Чжэ сжал его руку. Значит, Тан Юйхуэй не показалось: его айсберг и впрямь потеплел.

Кан Чжэ с почти невыносимой нежностью снял его с мотоцикла. Тан Юйхуэй, завёрнутого в плед, осторожно, шаг за шагом, отнесли на склон холма и опустили на траву. И вправду холодно. Хотя Тан Юйхуэй был укутан, его всё равно пробирала дрожь. Он посмотрел в глаза Кан Чжэ. Налетел порыв ветра, и Кан Чжэ опустился на колени, накрыв его своим телом. За его спиной раскинулся усыпанный звёздами купол неба, а сам Кан Чжэ был похож на

сорвавшуюся с него неотвратно и медленно приближающуюся звезду.

Кан Чжэ склонился ниже, его ладони легли на запястья Тан Юйхуэя, он зубами расстегнул молнию на его пуховике. Эту куртку Кан Чжэ одолжил ему при их первой встрече, и Тан Юйхуэй с тех пор то и дело надевал её. Сегодня, выходя из дома в плохом настроении, он машинально плотнее укутался в знакомое тепло.

Днём, когда Кан Чжэ увидел пуховик на выходящем из школы Тан Юйхуэе, он вдруг осознал, насколько же куртка тому велика. Тан Юйхуэй, должно быть, боялся холода и не переставал дрожать, так что Кан Чжэ милостиво его пощадил. Он, учитывая ситуацию, не стал снимать с него куртку, а лишь аккуратно приподнял зубами край рубашки. Кожа под ней была именно такой, как представлял себе Кан Чжэ. Он даже поразился — неужели его ответ, брошенный невзначай, оказался настолько точным? Она и вправду была белой, словно козье молоко. Пальцы Кан Чжэ скользили по линии талии, а другой рукой он приподнял руку Тан Юйхуэя, слегка надавив на запястье.

«Перестань дрожать, — подумал Кан Чжэ. — Какая же у тебя тонкая кожа. И пульс такой частый. И страх, и отклик — всё такое живое. Словно, если я оставлю тебя, ты умрёшь».

Под этим взглядом Тан Юйхуэй готов был расплакаться. Он едва слышно, с дрожью в голосе прошептал:

— А-Чжэ...

Словно из жалости, Кан Чжэ наконец отвёл взгляд. Он молча склонился, и рука, задержавшаяся на его талии, дюйм за дюймом скользнула вверх по спине. Их тела сплелись воедино. Кан Чжэ исследовал его рот, и айсберг, казалось, вот-вот превратится в вулкан. Тан Юйхуэй впервые почувствовал, что температура тела Кан Чжэ вовсе не была низкой — сейчас он напоминал раскалённый камень.

Руки Тан Юйхуэя были скованы, он не мог пошевелиться и лишь мягко тёрся ногой о голень Кан Чжэ. Тот замер, затем провёл кончиком языка по губам Тан Юйхуэя, который всё пытался уклониться, и, словно в наказание, нажал сильнее. Тан Юйхуэй тут же издал сдавленный стон.

Кан Чжэ приподнялся на руках и с усмешкой произнёс:

— А ты довольно смелый.

Не дав Тан Юйхуэю ответить, Кан Чжэ вновь накрыл его рот своим. Рубашка Тан Юйхуэя была задрана до самой груди, обнажая два ярко-розовых соска. Кан Чжэ посмел пройтись по ним своими тигриными клыками, и Тан Юйхуэй содрогнулся всем телом, невольно подавшись бёдрами вверх, его ступни мгновенно вытянулись в струну. Рука Кан Чжэ медленно соскользнула с его уха, обогнула шею и затем, как это делают лишь с возлюбленными, начала трепетно исследовать каждый участок обнажённой кожи.

Тан Юйхуэй, словно ягнёнок, лизнул его ушную раковину. Кан Чжэ на миг застыл, а затем с силой надавил вниз, обхватив его тонкую талию, не слишком нежно поглаживая её большими пальцами. Кан Чжэ стянул его штаны до колен, а сам лишь расстегнул ремень, прижимаясь выступающей косточкой бедра к низу живота Тан Юйхуэя, медленно двигаясь вперёд-назад. Тан Юйхуэя трясло так, словно по телу проходил разряд тока. Горечь обиды смешивалась со сладким томлением, и он с мольбой в голосе выдохнул:

— А-Чжэ...

Голос Кан Чжэ был низким, хриплым и шершавым, словно его окутывал песок:

— Как я велел тебе меня называть?

Тан Юйхуэй резко вздрогнул. Кан Чжэ воспользовался этим, чтобы прижаться плотнее, повторяя с показным терпением:

— Ну же. Как?

Закусив губу, Тан Юйхуэй послушно ответил срывающимся на слёзы голосом:

— А-Чжэ-гэгэ...

Один палец вошёл внутрь, двигаясь с поразительной лёгкостью. Неспешно, но неотвратимо он продвигался вглубь, дюйм за дюймом, дразня и очерчивая стенки, прежде чем медленно впустить и второй.

Тан Юйхуэй был на грани безумия от этой медленной пытки. Он жалобно придвинулся ближе и принялся осыпать мелкими укусами ключицу Кан Чжэ. Но этого было мало, чтобы утолить ярость, и он двинулся выше, жестоко вылизывая и кусая ухо Кан Чжэ. Мучительные вздохи вмиг стали громче. Кан Чжэ глубоко вдохнул и резко ввёл пальцы глубже. Тан Юйхуэй содрогнулся, его трясло так, что он потерял всякое самообладание.

Словно исчерпав терпение, Кан Чжэ вынул пальцы. Он достал из сумки какой-то тюбик и с силой выдавил почти половину содержимого себе на руку. К нему вернулось его обычное выражение лица, и он небрежно ввёл прозрачную массу в тело Тан Юйхуэя. Тот дышал так тяжело, будто вот-вот расплечется. Он с трудом выговорил:

— Чем... чем ты меня намазал?

Кан Чжэ посмотрел на него и медленно улыбнулся:

— Гелем с алоэ вера.

Тан Юйхуэй прикусил нижнюю губу и отвернулся, отказываясь смотреть на него. Но Кан Чжэ грубо повернул его голову обратно, заставляя увидеть, как его нижняя часть блестит, покрытая гелеобразной субстанцией.

— Тан Юйхуэй, — медленно протянул Кан Чжэ, — посмотри, как ты сверкаешь.

Тан Юйхуэй был на грани слёз. Он проклинал тот миг, когда сам произносил такие же слова,

что возвращались к нему бумерангом. Но Кан Чжэ с издёвкой шептал ему на ухо:

— Это что, вода? Почему так липко?

— Тан Юйхуэй, ты испачкал своё любимое одеяло. На нём теперь огромное мокрое пятно.

— Тан Юйхуэй, а почему твои ноги так широко разведены?

— Тан Юйхуэй, — губы Кан Чжэ коснулись его уха, клык мягко прикусил мочку, и он чуть слышно произнёс: — Тебе нравится, когда тебя обижают? Или когда тебя трахают?

Тан Юйхуэй, доведённый до предела, резко приподнялся, зажал край трусов зубами и сдёрнул последний барьер, отделявший его от Кан Чжэ. Осмелев, он вдруг осознал, что его щека прижалась к горячей коже бедра Кан Чжэ, и в панике отпрянул — этот обжигающий жар казался невыносимым.

Кан Чжэ рассеянно улыбался, наблюдая за ним. Когда они наконец полностью обнажились, Кан Чжэ перестал говорить и с силой раздвинул влажную плоть Тан Юйхуэя. Раздался хлюпающий звук, Тан Юйхуэй вскрикнул от боли, но Кан Чжэ, зажав ему рот ладонью, безжалостно, напористо и грубо двинулся вперёд. Сдавленные стоны, словно не в силах сдержаться, прорывались сквозь пальцы:

— А-а-а... А-Чжэ... А-а-а-а...

В такт поступательным движениям Тан Юйхуэя отбрасывало назад, а его крики постепенно меняли оттенок — эти протяжные, дрожащие нотки, окрашенные вьющимися оттенками страсти, тонкими вибрирующими струйками растекались в ночи.

С каждым толчком Тан Юйхуэй мысленно повторял: «А-Чжэ... а-Чжэ... мой а-Чжэ...».

Когда Кан Чжэ действительно взялся за дело, он замолчал. Его движения были яростными — он сжал бока Тан Юйхуэя так, что на них проступили красные следы, и вскоре Тан Юйхуэй, подбрасываемый этими беспощадными толчками, достиг кульминации.

Без тени эмоций на лице, в последний момент перед тем, как отпустить себя, Кан Чжэ вновь схватил Тан Юйхуэя за запястья. И лишь когда он, холодный и отстранённый, наклонился вперёд, Тан Юйхуэй в мощной судороге ощутил, как его внутренности наполняет горячий поток.

Дыхание Кан Чжэ, тяжёлое, как у дикого зверя, постепенно успокаивалось в его молчании. Тан Юйхуэй отрешённо смотрел в ночное небо, его мысли путались, в голове проносился калейдоскоп образов. Визуальные, тактильные, пространственные, временные... мимолётные тени родителей; телевизор в столовой, где показывали документальные фильмы; встречи и расставания с одноклассниками; деревья и осень Пекина; и тот раз, когда он, впервые прилетев в Кандин, застрял в аэропорту, а Кан Чжэ примчался к нему на рокочущем мотоцикле, и всё это время за ним бежало облако.

Одежда Кан Чжэ раздувалась от степного ночного ветра, словно собираясь взлететь. Он устало взглянул на Тан Юйхуэя, затем наклонился, укутал их обоих одеялом и обнял его с нежностью, полной истомы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130184>